

*А. М. Леонов**

МИФОЛОГИЗАЦИЯ НАРРАТИВОВ О ГОГЕ И МАГОГЕ В КОНТЕКСТЕ БИБЛЕЙСКОЙ И КОРАНИЧЕСКОЙ ЭСХАТОЛОГИИ

В области библейской и коранической эсхатологии свидетельства о Гоге и Магоге традиционно оцениваются как важнейшие компоненты учений о признаках приближения срока Страшного суда (Судного дня), чем обусловлена их высокая теологическая значимость. Однако их социальная значимость этим не ограничена. Многочисленные попытки идентифицировать Гога и Магога привели к появлению множества интерпретаций, часть из которых, сформировавшись на принципах мифотворчества и получив широкое распространение, стала использоваться для дискредитации одних народов представителями других. В настоящее время, ввиду активизации информационного и идеологического противостояния между государствами, данная проблематика актуальна не только в области богословия, но и в области других социальных наук. В предлагаемой статье процесс мифологизации свидетельств о Гоге и Магоге рассмотрен в свете современного учения о религиозном семиозисе, о семиотическом дрейфе.

Ключевые слова: эсхатология, Гог и Магог, Яджудж и Маджудж, Апокалипсис, демонизация, Судный день, последние времена, миф, мифологизация, семиотический дрейф.

A. M. Leonov

THE MYTHOLOGIZATION OF THE NARRATIVES ABOUT GOG AND MAGOG IN BIBLICAL AND KORANIC ESCHATOLOGY

In the sphere of biblical and koranic eschatology the witnesses about Gog and Magog are valued traditionally as the most important components of the doctrines about the indications of approaching of the time of the Last Judgement (the day of Judgement). This fact stipulates their high theological signification. However, their social signification is not limited by this fact. Numerous attempts to identify Gog and Magog led to the appearance of the plenty of interpretations a part of which was formed on the principals of myth creating and being widely

* Леонов Алексей Михайлович, аспирант кафедры Истории религий и теологии, РГПУ им. А. И. Герцена; преподаватель, Народный Православный Университет; leonov_a.m@mail.ru

spread it was used for discredit of one nation by another one. At the present daytime in view of the activation of informal and ideological opposition between the States, this problematic is actual not only in the sphere of theology but also in the sphere of other social sciences. In this article the process of mythologization of the witnesses about Gog and Magog is examined in the light of the modern teaching about religious semiosis about semiotic drift.

Keywords: eschatology, Gog and Magog; Jaddudj and Maddudj; Apocalipsis; demonization; the day of Judgement; last times; myth; mythologization; semiotic drift.

В христианстве тематике «последних времен» (последних судеб мира) традиционно придается большое значение, ведь она касается важнейших предметов христианских чаяний и надежд. В этой связи особый интерес верующих привлекают вопросы о признаках приближения/наступления последних времен. В числе таких признаков — осуществление ожидаемо узнаваемых — знаковых — событий, обозначенных в книгах Ветхого и Нового Завета, и в частности в пророчествах Иезекииля о Гоге из земли Магог (Иез. 38:1–9), Иоанна Богослова о Гоге и Магоге (Откр. 20:7). Досконально истолковать эти библейские имена стремились многие мыслители, однако вплоть до настоящего времени задача остается нерешенной, что, в частности, объясняется ограниченностью сведений о Гоге и Магоге, представленных в Библии.

Так, согласно провозвестию Иезекииля, под Гогом следует подразумевать нечестивого человека, князя Роша, Мешеха, Фувала, а под Магогом — землю, уроженцем и/или обитателем которой будет Гог (Иез. 38:2). В соответствии с планами Божественного домостроительства в «последние годы» он возглавит крупное интернациональное войско и вторгнется с ним «на горы Израилевы» (Иез. 38:7–9). Согласно Откровению Иоанна Богослова, под Гогом и Магогом следует понимать многочисленные народы, обитающие «на четырех углах земли», которые незадолго до дня Страшного суда будут призваны и увлечены сатаной на брань против святых (против Церкви Христовой: [3, л. 222]; Откр. 20:7–8). Войство Гога из земли Магог и войство Гога и Магога будут представлять собой богоборческие силы и будут уничтожены благодаря особому вмешательству Божьему. Аналогичное место в исламской эсхатологии уделяется кораническим свидетельствам о Яджудже и Маджудже, которые нередко отождествляются с Гогом и Магогом [см.: 15, с. 221; 20, с. 167; 30, р. 14] как по причине созвучия их имен, схожести их нравственных образов (доминирующими чертами которых являются вероломство и нечестивость), так и по причине частичной схожести описания обстоятельств их выхода на сцену международной политики в последние времена. Согласно Корану, Яджудж и Маджудж — народы-изгои, физически отграниченные от прочих народов непреодолимой металлической стеной, возведенной под руководством Зуль-Карнейна (Двурогого — в коранической традиции это прозвище закреплено за личностью Александра Македонского [14, с. 270]; К Аль-Кяхв: 94–97); когда накануне Судного дня стена, по воле Всевышнего, будет разрушена, Яджудж и Маджудж хлынут наружу и совершат множество бесчинств (К Аль-Кяхв: 98–99; К Аль-Анбийя: 95–96).

В ходе развития библейской и коранической эсхатологии предпринималось немало попыток установить ассоциативную связь Гога и Магога, Яджуджа и Маджуджа с теми или иными народами, не исключая русский. Более решитель-

тельные попытки были направлены на установление этнической принадлежности Гога из земли Магог / Гога и Магога / Яджуджа и Маджуджа, локализации мест их обитания. Это привело к образованию множества идентификационных версий. Часть из них была сформирована на базе гипотетических, плохо обоснованных доводов; в основу некоторых были положены идеи, противоречащие содержанию библейских и коранических текстов, данным исторической и этнографической наук. Между тем отдельные версии отличались убедительностью и, как результат, пользовались популярностью в научной среде. Укореняясь в тех или иных социально-культурных пространствах, со временем они утрачивали значение версий и наделялись значимостью форм древних, преемственно передаваемых знаний (преданий) или даже достоинством исторических данных. Так формировались мифы теологической, исторической, этнографической, этнополитической направленности. Со временем часть из них, обогащаясь дополнительными мифологическими компонентами, трансформировалась в сложные мифологические композиции.

Характерным примером в этой связи может служить миф о том, что Гог из земли Магог — будущий военно-политический лидер из России. К примеру, уже в X в. в «Истории» византийского автора Льва Диякона росы* были представлены как тот народ, чьим князем, согласно пророчеству Иезекииля, окажется Гог [16, с. 79]. Дальнейшему развитию этого мифа способствовало закрепление в европейской литературе идеи о том, что Мосох, который, согласно тому же пророку, будет подвластен Гогу, олицетворяет Московию, Москву [см., напр.: 6, с. 335–336]. В основу этого мифа была положена мысль, что Мосох, сын Иафета, — основатель Москвы и родоначальник москвитов. Данный миф распространился в Европе в XVI в. И хотя некоторые европейские мыслители того времени, такие, например, как С. Герберштейн**, сомневались в существовании этимологической связи между названием «Москва» и именем Мосох [7, с. 129], другие, и среди них польский хронист М. Стрыйковский, напротив, придавали этому мнению большое значение. В XVII в. идея о Мосохе как об основателе Москвы, родоначальнике, от которого произошла Русь, была отражена в Киевском синопсисе архимандрита Иннокентия (Гизеля). В том же синопсисе содержится указание на существование генеалогической связи между патриархом Мосохом и Мосохом — будущим подданным Гога (Иез. 38:2), Мосохом — русским князем [11, с. 404, 406]. В XVIII в. это «историческое» пособие имело широкое распространение в российском научно-образовательном пространстве. В XX в. на Западе популяризации мифа о Гоге как о будущем вожде из России способствовало тиражирование Библейского справочника Геллея на разных языках [6, с. 2].

Использование современной научной методике категориального семиотического анализа [см.: 22, с. 142–148; 13, с. 124–133] позволило выделить три уровня мифологической семиотизации элементов «Гог» и «Магог» / «Яджудж» и «Маджудж»: субкатегориальный, категориальный и гиперкатегориальный.

* В данном случае Лев Диякон указывает на тавроскифов, однако во время его жизни понятие «рос» воспринималось в Византии шире и ассоциировалось с Русью [16, с. 212].

** Австрийский дипломат.

Для каждого из них характерна своя методологическая основа и своя мифологическая специфика. Если на категориальном уровне семиотические элементы «Гог» и «Магог» трактовались как эсхатологические символы, без конкретной этнополитической и географической привязки, например: как символ народов последних времен, враждебных святым [9], символ царств, которые восстанут против Царства Христова [25, с. 427], то на субкатегориальном — иначе: как знаки или названия конкретных исторических народов. Положим, на некоторых средневековых европейских картах отмечены географические области обитания Гога и Магога; на некоторых текстуально зафиксированы сами мифологические сюжеты. Так, Верчелльская карта, датируемая XIII в., содержит текст, сообщающий, что Александр заключил в городе, расположенном близ Каспийского моря, два нечестивых народа: Гога и Магога [8, с. 257]. Аналогичный по содержанию миф зафиксирован на Эбсторфской карте (XIII в.) [8, с. 258]. Достоин замечания, что данные тексты отображают как апокалиптическое свидетельство о Гоге и Магоге, так и кораническое о стене, сдерживающей Яджуджа и Маджуджа, то есть они основаны на гибридной христианско-мусульманской мифотеологеме. Не вызывает сомнений, что формируемые на основе свидетельств о Гоге и Магоге / Яджудже и Маджудже исторические, этнографические и этнополитические мифы не просто искажали образы ассоциируемых/отождествляемых с ними народов — этим народам инкриминировалось ненавистничество высокоорганизованной цивилизации и культуры; приписывалась роль потенциальных агрессоров, чья лихость и чья окаянность непременно проявятся перед кончиной мира.

В свою очередь, на гиперкатегориальном уровне отождествляемые с Гогом и Магогом / Яджуджем и Маджуджем народы подвергались демонизации. Иногда им приписывались зловещие сверхъестественные черты. Скажем, на страницах некоторых российских лицевых Апокалипсисов XVIII в. гоги и магоги изображены в форме антропоморфных чудовищ со звериными мордами, пожирающих людей; их образы напоминают иконографические образы демонов [см.: 3, л. 221]. В фольклорном пространстве представители народов Гог и Магог / Яджудж и Маджудж наделялись атрибутикой фантастических монстров. Положим, по одним источникам, рост Маджуджей не превышал трех пядей [29, с. 155]. Другие источники изображали представителей этих народов запредельно свирепыми, четырехглазыми, вислоухими, не говорящими, но шипящими и свистящими [2, т. 1, с. XXXI] или в свете еще более шокирующей детализации: например, со скотскими ногами, песьими головами [28, ч. 1, с. 173]. Такие характеристики использовались представителями «цивилизованных» народов в качестве семиотических маркеров инаковости Гога и Магога / Яджуджа и Маджуджа. Конечно, в настоящее время столь неправдоподобные описания людей массового доверия не вызывают, и, как следствие, дальнейшее развитие этой ветви мифотворчества прекращено. Однако методы и приемы формально «реалистичной» демонизации не утратили актуальности до сих пор: они широко используются в современной политике, политологии, журналистике. В этом случае вместо фантастичных внешних признаков инаковости, психических и физических уродств, представителям демонизируемых народов приписывается моральное уродство. Например, сегодня можно встретиться

с такими обозначениями России, как «экзистенциальная угроза», «империя зла», «ось зла», «глобальная угроза», «страна-изгой». При этом противопоставление стран «западного мира» России и ее народонаселению продолжает осуществляться по принципу мифотворчества, в рамках бинарных оппозиций [см.: 12]: «свой-чужой», «свет-тьма», «добро-зло».

В результате исследования репрезентативного ряда произведений христианской патристики, мусульманской духовной литературы, исторических хроник, современных научных работ удалось выяснить, что формирование версий идентификации Гога и Магога / Яджуджа и Маджуджа, как правило, осуществлялось на основе одного из ниже обозначенных методов: 1) метод подбора этнонимов по принципу их фонетического сходства с именами Гог и Магог (в данном случае имена рассматривались в качестве фонетических конструкций); 2) метод герменевтического анализа исторических параллелей, усматриваемых между библейскими и/или кораническими данными о Гоге и Магоге / Яджудже и Маджудже и историческими данными о народах; 3) метод топонимической локализации (подразумевает определение местонахождения земли Магог / Гога и Магога / Яджуджа и Маджуджа исходя из библейских и/или коранических указаний); 4) метод лингвистического анализа лексических единиц «Гог» и «Магог», «Яджудж» и «Маджудж»; 5) синтетический метод, подразумевающий сочетаемость двух или нескольких методов из перечисленных выше.

Исследование показывает, что исторически ни один из названных методов не зарекомендовал себя как безупречный: все, не исключая последнего, имеют свои слабые стороны, ни один не гарантирует точности идентификации. Отсюда — большой разброс мнений; отчасти именно этим обусловлена множественность мифов. Положим, руководствуясь методом фонетического сходства, Гога и Магога опознавали и как Гетов и Массagetов [1, с. 1088], и как Гунна и Монгола [18, кн. 1, с. 246]. Результатом задействия второго метода было отождествление Гога и Магога со скифами, гуннами [4, с. 189], турками (предками турков) [26, с. 282], монголами, татарами [24, с. 39, 45], потерянными коленами Израиля [8, с. 257], россиянами. На основе третьего метода церковные писатели, с учетом указания о нахождении Гога и Магога на четырех углах земли (Откр. 20:7), отрицали уместность их отождествления с отдельными народами, настаивая, что они знаменуют богоборческие массы [1, с. 1088; 9]. Что касается лингвистического содержания имен Гог и Магог, их значение объяснялось по-разному, например как «кровля» и «из-под кровли», на основе чего заключалось, что среди обозначаемых этими именами народов, как бы под кровлей, пребывает и действует сатана [1, с. 1088]; иногда им придавались другие значения, как то: «собирающий» и «возвышенный» [5, с. 327], и др. Таким образом, и применение метода лингвистического анализа допускает придавать семиотическим элементам «Гог» и «Магог» высокий уровень абстрактности. Ярким примером использования синтетического метода служит довод автора Библейского справочника Г. Геллея, ассоциировавшего воинство Гога из земли Магог с российским народом, во-первых, на основании фонетического сходства слов «Мосох» и «Москва», а во-вторых, в связи с тем, что Россия — северная страна, что соответствует указанию Иезекииля

о вторжении Гога на горы Израилевы «от пределов севера» (Иез. 38:15). Другим результатом использования этого метода стал вывод Н. Е. Пестова, допускавшего, что под Гогом и Магогом можно подразумевать представителей азиатских монгольских рас, «которые будут объединены общими националистическими и богоборческими идеями» [21, с. 211].

Несмотря на то, что Яджудж и Маджудж нередко отождествляются с Гогом и Магогом, мифы о них, как правило, имеют свою принципиальную особенность, состоящую в том, что, согласно Корану, они изображаются не просто нечестивцами, изгоями, но и узниками, безвылазно пребывающими за непреодолимой стеной. Верой в реалистичность этой стены — а кораническое свидетельство о ней имеет для мусульман догматический авторитет — были обусловлены неоднократно предпринимавшиеся в период Средневековья попытки ее отыскать. В текстах Корана не содержится сведений, достаточных для определения точного месторасположения стены. Поэтому в отчетах средневековых путешественников встречаются описания разных стен, «найденных» и «опознанных» ими как «та самая» стена. Исходя из указания Корана, что Яджудж и Маджудж не смогут преодолеть стену вплоть до кануна Судного дня — а Судный день еще не наступил, — возможно было бы заключить, что она до сих пор существует и соответствует своему функциональному назначению. Но эта мысль представляется слишком невероятной, чтобы ее принять. Казалось бы, учитывая сказанное, правильным было бы применить к кораническим свидетельствам о стене аллегорический метод толкования, что позволило бы представить ее как образ некоей невещественной преграды между послушными и враждебными Богу народами. Однако такой вариант толкования этих фрагментов не характерен для мусульманской культуры. Положим, о «вале Яджуджа» в буквальном смысле сообщал Низами Гянджеви [19, с. 72]; средневековые путешественники, задававшиеся целью достичь стены Зуль-Карнейна, искали именно материальную стену. Ряд исследователей смягчали это противоречие при помощи заключения, что хотя стены Зуль-Карнейна в том виде, в каком она изображается в Коране, не существует, однако у нее был реальный исторический прообраз. К примеру, в число возможных прообразов включают железные ворота на Кавказе, о которых сообщал историк Иосиф Флавий [10, с. 510]. Согласно другой точке зрения, «на коранической версии о Гоге и Магоге отразилось... представление о китайской стене, отделявшей Китай от кочевников-монголов» [20, с. 167].

Подводя итог, уместно сделать следующие выводы:

1. В практике толкования эсхатологических пророчеств о Гоге и Магоге / Яджудже и Маджудже семиотические элементы «Гог» и «Магог» / «Яджудж» и «Маджудж», в зависимости от методологических подходов, от придаваемого им уровня абстрактности рассматривались и как знаки, и как символы; исследовать этот феномен уместно с опорой на современную научную теорию семиотического дрейфа [см.: 23, с. 51–55].

2. На сегодняшний день в рамках библейской и коранической эсхатологии рассматривается множество версий об этнической принадлежности Гога и Магога / Яджуджа и Маджуджа; при этом ни одна из них не определяется как превалирующая.

3. Среди причин мифологизации нарративов о Гоге и Магоге выделяются следующие: 1) повышенные стремления верующих определить этническую принадлежность и географическую область обитания этих народов при ограниченности сведений о них в Священном Писании / Коране (это побуждало исследователей обращаться к источникам сомнительного и ложного содержания, к домысливанию того, о чем умалчивается в Библии/Коране); 2) отсутствие строгой, тщательно аргументированной, системной критики ложных суждений о Гоге и Магоге в период становления христианской/коранической эсхатологии — когда было создано существенное количество мифов об этих народах; 3) отсутствие у верующих, живших в период от времени раннего христианства до наступления эпохи «нового времени», надлежащих знаний географического и этнографического характера.

4. В настоящее время теологические и этнографические мифы о Гоге и Магоге нередко подкрепляются аргументацией исторического, идеологического и политологического характера, приобретая форму этнополитических мифов, как, например, миф, согласно которому полчища Гога составят военизированные формирования России и ее союзников [см., напр.: 27, с. 313–315]. Современная теология обладает достаточным набором средств для осуществления объективной критики таких мифологических конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. О граде Божиим. Минск: Харвест. — М.: АСТ, 2000.
2. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей / Введение, тексты и комментарии. — Иркутск: Крайгиз, 1932.
3. Андрей Кесарийский (архиепископ Кесарии Каппадокийской). Апокалипсис толковый [Рукопись]: лицевой. // РГБ. Шифр хранения: ОР. Ф. 247. № 4.
4. Андрей Кесарийский, св. Толкование на Апокалипсис святого Иоанна Богослова. — Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2005.
5. Барсов М. В. Апокалипсис святого Иоанна Богослова. Толкование. — М.: Лепта, 2002.
6. Геллей Г. Библейский справочник / Пер. с англ. — СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 2004.
7. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. — М.: Изд. МГУ, 1988.
8. Денисов А. О. Отображение памяти об Александре Македонском на средневековых картах // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2019. — № 23–1. — С. 247–266.
9. Иероним Блаженный, Стридонский. Четырнадцать книг толкований на пророка Иезекииля. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/chetyrnadtsat-knig-tolkovanij-na-proroka-iezekiilja/11_5 (дата обращения: 28.04.2022).
10. Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. Я. Л. Чертка, с введ. и прим. пер. — СПб.: Орел, 1991.
11. Келейный летописец святителя Димитрия Ростовского с прибавлением его жития, чудес, избранных творений и Киевского синопсиса архимандрита Иннокентия Гизеля. — М.: Паломник, 2000.

12. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. под ред. и с прим. В. В. Иванова. — М.: Наука, 1985.
13. Кондрашев В. Д., Лебедев В. Ю. Прологомены семио-герменевтического религиоведения // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2017. — № 3. — С. 124–133.
14. Коран / Пер. с арабск. и комм. М.-Н. О. Османова. — СПб.: ДИЛЯ, 2013.
15. Коран: Перевод смыслов / Пер. с арабск. Э. Р. Кулиева. — М.: Эксмо; Умма, 2021.
16. Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; ст. М. Я. Сюзюмова; комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. член-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин. — М.: Наука, 1988.
17. Малов Е. А. Ахыр заман китаби: Мухаммеданское учение о кончине мира / [Соч.] Протоиерея Евфимия Малова. — Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1897.
18. Морозов Н. А. Христос. — Л.: Государственное издательство, 1924.
19. Низами Гянджеви. Искендер-намэ / Пер. и ред. члена-корр. АН СССР проф. Е. Э. Бертельс. — Ч. 1. Шараф-намэ. — Баку: АзФАН, 1940.
20. Остроумов М. П. Исламоведение (Догматы Корана). — М.: Русская печатня, 1916.
21. Пестов Н. Е. Свет Откровения (Размышления над Апокалипсисом). — М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2005
22. Прилуцкий А. М. Категориальная семиотика элементов религиозного дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». — 2021. — № 2 (69). — С. 142–148.
23. Прилуцкий А. М. О типологии семиотического дрейфа в пространстве религиозного семиозиса // Вестник Тверского государственного университета. — 2018. — № 2. — С. 51–55.
24. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях. — I. Плано-Карпини. II. Асцелин. — СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1825.
25. Солярский П. Ф. Опыт библейского словаря собственных имен. — СПб: Типо-литография Цедербаума и Гольденблума, 1879.
26. Средневековье в его памятниках / Пер. Н. А. Гейнике, Д. Н. Егорова, В. С. Протопопова и И. И. Шитца под ред. Д. Н. Егорова. — М.: Типо-лит. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913.
27. Толкование ветхозаветных книг от книги Исаии по книгу Малахии / Пер. И. Череватой; гл. ред. П. Харчлава. — Коннектикут, США: Славянское миссионерское издательство Ашфорд, 1996.
28. Череванский В. П. Две волны: Историческая хроника (1147–1898). — СПб.: Государственная типография, 1898.
29. Юнг К. Г. Феномен самости / Пер. с нем. А. Чечинной. — М.: АСТ, 2020.
30. Milot, J.-R., Castel, F. L'apocalypse dans l'islam, d'hier à aujourd'hui, de la tradition à la blogosphère. — Frontières. — 2013. — Vol. 25 (2). — Pp. 11–28. — URL: <https://doi.org/10.7202/1024936ar> (дата обращения: 25.05.2022).